

О зайцах и кроликах

Было холодно. Альберт Иванович поднял ворот своего пальто, достал из кармана белый носовой платок в мелкую серую полоску и тихонько высморкался. Редкие машины со свистом пролетали по шоссе. Автобуса все не было. Вдруг из перелеска на дорогу выскочил серый слегка потрепанный заяц. Он промчался до половины дороги, затормозил на мгновение, и с новой силой дернулся вперед. Через секунду его уже не было.

Бабка, стоявшая рядом с Альбертом Ивановичем, хлопнув ладонью себе по лбу, завопила:

– Батюшки, невезенье-то какое! Чай, не купят сегодня мои огурчики, али милиционеры погонют!

– Женщина, не надо так кричать. Ничего страшного не случилось. Вы же не Пушкин, в конце-то концов, – Альберт Иванович слегка наморщил лоб. В левом виске с самого утра ныло.

– Ай-ай, у меня за ликтричество не плочено уж за полгода. Завтра, сказали, отключут, коли не заплотишь. И где мне теперь деньги взять, если огурчики мои не продам?

В разговор вмешался молодой армянин. Он бросил бычок на землю и обратился к Альберту Ивановичу:

– Чиво это она? Кролика испугалась?

– Да какой же это кролик, помилуйте! Это самый обыкновенный заяц-беляк.

– Какой заяц? Какой пиляк? – недоуменно склонил голову молодой человек.

Бабка неожиданно перестала вопить, вытаращила глаза и замахала руками на Альберта Ивановича:

– Что ты, что ты, бабушка, какой беляк? Серый заяц-то!

– Какой заяц? Кролик бил это!

Голова Альберта Ивановича медленно наливалась свинцом.

– Да по мне хоть белый, хоть зеленый! Хоть заяц, хоть кролик, хоть сам осел мессии! – неожиданно для себя зло выпалил Альберт Иванович.

– Ой! – бабка от неожиданности чуть присела, и стала яростно креститься, – в Бога не верует, окаянный.

Армянин тоже медленно и широко осенил себя крестным знаменем.

– Щито, правда, заяц бил? – почтительно спросил он бабушку, опасливо косясь на Альберта Ивановича.

– Правда, сынок, правда. Вот те крест! – и бабка мелко и быстро перекрестилась.

Альберт Иванович уже стыдился своего внезапного приступа вспыльчивости, но и извиняться не хотел. Он поежился и задумался. Холода уже наступили, а беляк еще не стал белым. В виске все еще ныло, но боль, будто, становилась слабее. Всему свое время.